

Ассасин / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 25 января, 2025

Ассасин / повесть АССАСИН

Али осиротел очень рано. Ему сказали, что его семья погибла во время военного набега под руинами горящего дома, но сам он не помнил ни дома, ни набега. Он не знал, откуда он родом и как звали его родителей. Отца и мать ему заменил человек, которого он с младенчества привык называть «дядя Алаудин».

Алаудин привез Али в замок Аламут и поселил под надзором своих слуг, которые повиновались хозяину беспрекословно и относились к нему как к тени Всевышнего на земле (так они его и называли). Алаудин был добр к маленькому Али, а мальчик боялся его и одновременно обожал до умопомрачения.

«Если дядя Алаудин тень Всевышнего, – думал он, – пусть я, когда вырасту, стану тенью этой тени. И ничего больше мне не надо...»

Замок стоял высоко в горах. К нему вела единственная узкая и крутая дорога, на некоторых участках которой два всадника могли разъехаться только в специально устроенных местах.

Алаудин объяснил мальчику, что слово «Аламут» означает на местном наречии «урок орла»: древний правитель, который построил замок, выбрал для него скалу, где приземлился его ручной орел.

Выбор оказался весьма мудрым – замок стоял в таком месте, что ни одна вражеская армия не могла окружить его. Под обрывающиеся в пропасть стены нельзя было подвести стенобитные машины. Замок невозможно было не то что взять или осадить, к нему казалось трудным даже приблизиться.

Али рос в небольшой каменной комнате, из окна которой открывался вид на скалы и покрытые колючкой холмы. Скалы и

холмы были видны не всегда – внизу текла река, разливавшаяся каждую весну, когда в горах таял снег. Тогда над водой поднимались облака тумана, и казалось, что замок парит в облаках.

Али почти никогда не видел за окном людей. Но изредка об их существовании напоминала цепочка верблюдов на вершине далекого холма или стервятники, кружащие в небе.

Бывало и так, что стервятники появлялись в небе вскоре после того, как верблюды скрывались за перевалом, а еще через несколько часов в замок возвращался дядя Алаудин во главе всадников с закрытыми черной тканью лицами. Всадники вели за собой тяжело навьюченных верблюдов и ослов, на поклаже которых были следы крови. Так Али научился делать первые логические выводы. Но все знали, что Алаудин святой человек, и его меч страшен только неверным.

Комната Али располагалась очень высоко, и вылезти из окна было невозможно – река шумела так далеко внизу, что и смотреть туда было страшно. Выходить из замка строго запрещалось, и он проводил время, слоняясь по двору и играя с другими мальчишками, которых приютил Алаудин, – они жили в таких же каменных клетушках, как и он. Потом его стали обучать грамоте, но не слишком забивали голову разными премудростями. Он учился читать Коран и хадисы, рассказывающие о деяниях пророка.

Скалы обступали замок со всех сторон, но под одной из его стен лежала зеленая долина, зажатая между крутыми склонами гор. Виден был только самый ее край, но иногда оттуда доносилось пение соловьев. Али знал, что с самой высокой башни можно рассмотреть долину лучше. Но ему и другим мальчишкам было запрещено туда подниматься.

Однажды, когда Алаудин уехал из замка, Али заметил, что вход в башню остался без присмотра, и забрался наверх по спиральной деревянной лестнице. Наверху был смотровой пост. Али перевесился через зубцы и увидел далеко внизу белые постройки

среди зелени и цветов. Там был, кажется, огромный сад, полный фруктовых деревьев. В центре сада располагалась поляна, окруженная цветами и кустарником. А все остальное утопало в густых зарослях – даже на расстоянии чувствовалось, какие там царят покой и прохлада...

Но Али не успел рассмотреть слишком много – поднявшиеся следом за ним воины задали ему такую трепку, что несколько дней он лежал в своей комнате и не мог встать.

Когда Алаудин вернулся, Али не стал жаловаться. Вместо этого он спросил:

– Дядя Алаудин, а что там за зеленая долина внизу? Что там за беседки и павильоны?

Алаудин рассмеялся.

– Подожди, Али. Ты узнаешь об этом, когда вырастешь. А сейчас, что бы я ни ответил, в твоей голове возникнет только путаница.

Али решил задать еще один вопрос, который давно его мучил:

– А почему вас называют «тенью Всевышнего», дядя Алаудин?

Лицо Алаудина стало серьезным. Он ответил:

– Это потому, что у меня нет своих желаний и целей. Я убираю из своего сердца все личное, чтобы открыться Всевышнему и исполнить его волю.

Али вспомнил стервятников, кружащих высоко в небе за окном. А потом подумал про тяжело навьюченных лошадей, которых спутники Алаудина приводили в замок.

– А как вы узнаете, в чем воля Всевышнего?

Алаудин ответил:

– Умом этого не постичь. Воля Всевышнего познается только через смирение.

– Что такое «смирение»? – спросил Али, который никогда раньше не слышал такого слова.

– Смирение – это значит не иметь своих желаний и целей, – ответил Алаудин. – Это похоже на долгую дорогу в горах. Сначала ты видишь небольшой участок впереди, и тебе кажется, что ты знаешь, куда она ведет. Потом дорога поворачивает, и тебя начинают терзать сомнения. Потом она поворачивает опять и опять, и сомнения растут. Только сделав много таких поворотов и перебравшись через несколько перевалов, начинаешь понимать, куда дорога направляется на самом деле. Вот так и смирение ведет к мудрости.

– А я могу пойти по этой дороге? – спросил Али.

Алаудин потрепал его за волосы.

– Можешь, – сказал он. – Для этого тебе достаточно во всем слушаться меня. И не делать запрещенного правилами нашей общины.

Али понял – слуги уже рассказали Алаудину о его проступке. То, что Алаудин не стал ругать его, наполнило сердце мальчика благодарностью. Он сказал:

– Я смогу стать твоей тенью, дядя Алаудин? Тенью тени Всевышнего?

– Если на это будет воля Всевышнего, – ответил Алаудин. – Через несколько дней тебе исполнится десять лет. Тогда и начнется твое путешествие по дороге смирения. Учти, Али, путь будет непростым.

Алаудин сказал правду. Когда Али исполнилось десять лет, его жизнь резко изменилась.

Теперь рано утром его выводили во двор – делать упражнения вместе с другими мальчиками. Ему по несколько часов приходилось стоять в неудобной позе, пока не отказывали мышцы. К его ладоням привязывали кожаными ремнями тяжелые куски

железа и заставляли держать руки вытянутыми – если рука опускалась, он получал удар палкой.

Он поднимал тяжести, лазил по шесту и канату, висел на одной руке, схватившись за ветку росшего в саду дерева, пока пальцы не разжимались – и если это случалось слишком рано, он падал на разложенные внизу колючки. Его заставляли стоять на металлических прутьях, воткнутых в щели стены. Его приучали выдерживать сводящую с ума боль, прикладывая к коже тлеющий фитиль.

Через год Али стал намного сильнее. Тогда его стали обучать владению катаром – ножом треугольной формы, рукоять у которого не продолжала лезвие, как бывает обычно, а располагалась поперечно, внутри скрывающего кулак эфеса. Когда он брал катар в руку, лезвие оказывалось выставлено перед кулаком, сжимающим рукоять.

– Такие ножи делают в стране Синд, – сказал Алаудин. – Ими можно наносить удары иначе, чем обычным оружием. Поэтому защититься от них намного сложнее. С сегодняшнего дня эти два клинка – твои новые руки. Считай их частью собственного тела. Представь себе, что в них течет твоя кровь. Тогда ты сможешь пролить с их помощью чужую...

Али заставляли делать множество вещей с этими ножами. Его учили метко кидать их в деревянную куклу – с двадцати шагов он должен был попасть ей в грудь, а потом выдернуть свое оружие за привязанную к рукояти веревку. Втыкая ножи в щели между камнями, он учился взбираться на крепостную стену. Самым трудным оказалось подолгу перекидывать маленькую медную монету с одного клинка на другой – так, чтобы она ни разу не упала на землю. Сначала он держал лезвия рядом, а потом настолько наловчился, что стал разводить руки в стороны, и монета летала у него над головой.

В конце концов Али действительно стал чувствовать, что два синдских ножа – не просто куски железа, а некое подобие

орлиных когтей, естественно продолжающих его кисти.

Его стали обучать приемам фехтования. Он отбивался от нескольких вооруженных воинов, нанося им молниеносные удары в просветы между латами. Он учился уворачиваться от копья в руке конника, вспарывать ему бедренную артерию или бить его снизу вверх в незащищенный бок. Он прорывался сквозь живой коридор из старающихся поразить его стражников к деревянной кукле, в которую он должен был воткнуть свои ножи. И так он упражнялся с утра до вечера, делая перерывы только для еды и молитвы.

Когда Али исполнилось шестнадцать лет, его стали опасаться даже учителя. Годы упражнений сделали его тело сильным и гибким; он мог показывать трюки, поглазеть на которые собралась бы толпа на любом рынке. Теперь он мало напоминал прежнего мальчишку – он превратился в высокого юношу с пробивающимися на верхней губе усами. Он начал заглядываться на женщин, и временами его посещали мысли, которыми он ни за что не решился бы поделиться с учителями. Но Алаудин, конечно, замечал все эти перемены и сам.

Однажды он сказал:

– Ты стал взрослым. Будь готов к тому, что с тобой случится прекрасное и невообразимое.

– А что именно со мной случится? – спросил Али. – И как можно подготовиться к невообразимому?

Алаудин засмеялся.

– Никак, – ответил он. – Поэтому я и говорю тебе – когда это случится, не пугайся.

Если бы Али услышал такое напутствие лет пять назад, он, конечно, был бы напуган, потому что любому понятно – когда тебе говорят «не пугайся», впереди какая-то жуть. Но ежедневная муштра уже давно заставила его позабыть страх.

И дело было не в том, что его обучили бесстрашию.

Ничего хорошего с ним уже давно не происходило, а упражнения были тяжелыми и болезненными. Стоило ли держаться за такое существование? Али догадывался, что именно в этом причина безумной храбрости тех героев, которые, как с гордостью говорил Алаудин, «любят смерть, как их враги жизнь». Он чувствовал, что его тоже готовят для подобной судьбы – ведь полюбить смерть означает просто разлюбить жизнь, а это ему уже почти удалось.

Несколько дней после разговора с Алаудином прошли как обычно. Али занимался во дворе замка, упражняясь в стрельбе из маленького железного арбалета – отравленная стрела из него летела недалеко, зато это оружие можно было прятать под одеждой. А потом действительно случилось невообразимое.

Проснувшись утром, Али понял, что находится в каком-то незнакомом месте. Это была комната с витыми колоннами из белого мрамора. Ее потолок и стены украшал узорчатый орнамент, а на полу была изящная цветная мозаика.

Особенно необычно выглядел орнамент – казалось, что на нем изображены прекрасные женские лица, и вместе с тем на стене нельзя было найти ни одного настоящего лица. Узор содержал только намеки – одна линия походила на необычно длинный глаз, другая на изящный маленький носик, третью можно было принять за сложенные сердечком пунцовые губы, четвертую – за нежный овал щеки с темной родинкой на смуглой коже, пятую – за прядь волос, и так далее. Но все было иллюзией: в действительности Али видел перед собой просто разноцветные линии и пятна, и если кто-то и нарушал запрет на изображение человеческих лиц, то это был не художник, а он сам, потому что именно он рисовал их в своем воображении. Поняв это, Али устыдился.

Заметив в стене дверь, он попытался открыть ее, но она была заперта. Тогда он осмотрел помещение. В углу стоял столик со сладостями и напитками. На нем лежала записка:

«О прекрасный юноша, твое тело ослабло. Съешь эту халву и

выпей этот шербет. Силы вернутся к тебе, и ты сможешь узнать, что находится за дверью».

Вместо подписи под текстом была комбинация трех арабских букв, которые не значили ничего, но зато складывались в подобие раскинувшейся на ложе женщины. Все это взволновало Али до чрезвычайности. Еще никто до этого дня не называл его прекрасным юношей.

Али чувствовал слабость и голод. Придвинув к себе вазу с желтой халвой, он быстро опустошил ее, а потом запил холодным шербетом из золоченого кувшина. Однако, несмотря на содержащееся в записке обещание, дверь не открылась. Али прилег на минутку отдохнуть, да так и задремал.

Когда он проснулся, рядом с ним на ложе сидели две юные девушки в легких рубашках из тонкого шелка. Нежно улыбаясь, они глядели на него.

Али приподнялся на локтях. Что-то с ним было не в порядке. Он никогда не чувствовал себя так странно – его тело стало неповоротливым и тяжелым. Оно казалось огромным, как гора, и трудно было понять, каким образом оно умещается в такой маленькой комнате. Впрочем, стоило Али приподняться, и ему сразу показалось, что его тело уменьшилось до размеров мизинца, и девушки, сидящие рядом, смогут, если захотят, играть с ним как с мышонком.

Странности творились не только с его телом. Мысли, которые приходили ему в голову, пугали его своей глубиной и безнадежностью – думать было так же страшно, как глядеть в бездонный ночной колодец. А не думать было еще страшнее.

«Я умер, – понял Али. – И сейчас вижу вестников иного мира. Я слышал, что их будет два... Наверно, они приняли такое обличье, чтобы смутить и испытать меня».

Собравшись с силами, он задал ближайшей к нему девушке вопрос, который полагалось задавать существам из иного мира:

– Ты инн или джинн?

– О храбрый Али, – ответила девушка, – я не инн и не джинн. Я гурия, посланная тебе в утешение и радость.

Али перевел взгляд на другую девушку.

– А кто ты?

– Я тоже гурия, – сказала вторая девушка и улыбнулась.

Али слышал, что у райских гурий прозрачные ноги, сквозь которые видны такие же прозрачные кости с рубиновым костным мозгом. У девушек были обычные человеческие конечности, но на их голених ярко алели полосы краски, которые проходили точно над костью, и это было похоже на просвечивающий костный мозг. Их тела не были прозрачными, но зато прозрачными были их одежды. Все составные элементы того, что называлось «райской гурией», были на месте, хоть и соединялись друг с другом немного иначе, чем Али ожидал. Но со слов мудрых людей он знал – человеческое знание о невидимом мире несовершенно.

То, что он попал в невидимый мир, уже не вызвало у него сомнений. Доказательством были те абсолютно невозможные на земле ощущения, которые он испытывал. Ему делалось то нестерпимо весело, то невыносимо страшно. Девушки рядом казались то опасными хищниками, собирающимися его растерзать, то нежнейшими подругами, готовыми для него на все, то тем и другим одновременно. И, главное, они были так красивы, что ни о чем другом, кроме их красоты, думать уже не хотелось.

Девушки подхватили Али под руки и подняли с ложа.

– Идем в сад, господин, – зашептали они и повели покачивающегося Али к дверям.

Когда двери открылись, Али замер на месте от восхищения. Перед ним был самый прекрасный сад из всего, что только можно себе представить. Ветви деревьев гнулись под тяжестью плодов, ветер покачивал прекрасные редкие цветы, журчал текущий по

мраморному желобу ручей. Где-то в листве свистели и шелкали соловьи, а на траве были разложены шелковые скатерти, уставленные напитками и яствами.

В саду ждали другие гурии – всего их оказалось около двадцати. У одних в руках были причудливые музыкальные инструменты, другие держали опахала и мухобойки, а некоторые, почти совсем нагие, соблазнительно пританцовывали в такт музыке. И все они приветливо и весело смотрели на Али.

Али присел на шелковую подушку, нахмурился и, глядя то на еду, то на девушек, попытался понять, чего ему хочется больше. Получалось что-то странное – когда он глядел на скатерть с едой, ему хотелось гурий. А когда он глядел на гурий, ему хотелось есть. Несколько мгновений проблема казалась неразрешимой, а потом он понял, что эти два занятия вполне можно совмещать.

Али захохотал, и журчание ручья ответило ему серебристым эхом. Гурии тоже засмеялись, и Али, отбросив все сомнения, устремился навстречу своему счастью.

Проснувшись на следующий день, Али увидел знакомый потолок своей каменной каморки и понял, что он опять дома. Припомнив происходившее в саду, он стал соображать, чем был вчерашний день – реальностью или стыдным сном вроде тех, что мучили его уже несколько лет. Случившееся казалось слишком неправдоподобным, и Али решил, что это был сон. Но тогда было непонятно, почему у него так болит голова и отчего так хочется пить.

– Нет, – пробормотал он, – все это было на самом деле.

– Да, – раздался рядом голос Алаудина. – Это было на самом деле.

Али не заметил, как тот вошел в комнату. Вскочив с ложа, он склонился в поклоне перед господином.

– Когда-то ты спрашивал, – сказал Алаудин, – почему меня называют тенью Всевышнего. Я объяснил тебе, что все дело в моем смирении, и это так и есть. Своих желаний у меня нет, и я просто инструмент в руке Царя Царей. Но есть и другая причина, о которой я не мог сказать тебе, потому что ты был слишком мал. Меня называют тенью Вседержителя, ибо в моей власти показывать людям его чудеса и тайны. Вернее, не сами эти чудеса и тайны, поскольку они слишком грандиозны для слабого человеческого разума, а только их тень...

Алаудин выдержал паузу, чтобы Али понял важность того, что он сейчас услышит, и сказал:

– Вчера ты одним глазом заглянул в рай.

– Это был рай? – спросил Али. – Я так и подумал, господин. Все оказалось как в рассказах ученых богословов. Почти все...

– А что было не так? – нахмурился Алаудин.

– От некоторых гурий пахло потом. Две или три, которые играли на музыкальных инструментах, были уже не очень молодые, с морщинами. Кроме того, их косметика расплывалась. Еще в раю было много мух и комаров, и они все время докучали.

Алаудин засмеялся.

– В молодости я обучался у великих улемов, – сказал он, – и постиг от них одну высокую истину, которую не понял сразу. И только постепенно ее смысл стал мне ясен. Улемы говорили, что материалом, из которого Всевышний создает рай, служат человеческие мысли о прекрасном и сладостном. Поэтому легкое несовершенство увиденного тобой объясняется убожеством твоих собственных представлений о том, каким должно быть божественное наслаждение. Ведь каковы кирпичи, таков и построенный из них дом. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Это звучало убедительно. Сам Али ни за что на свете не додумался бы до такой простой мысли. Но у него все же

мелькнуло сомнение – ведь те две гурии, которые встретили его на пороге рая, были безупречными красавицами, и здесь несовершенство его ожиданий ничуть не помешало. Почему же тогда...

Но он не успел додумать эту мысль – Алаудин словно услышал ее.

– Кроме того, – сказал он, – человеческие представления о прекрасном всегда относительны. Совершенная красота является таковой лишь в сравнении с менее совершенной. Поэтому некоторые из райских подруг могут быть менее привлекательны, чем другие. Так устроено для того, чтобы те гурии, которые услаждают праведника, казались ему еще желаннее.

С этим Али был полностью согласен – похожая мысль вчера мелькнула и у него самого, когда он выбирал третью по счету подругу. И все-таки в словах Алаудина что-то было не так. Али охватил руками голову и задумался. Из памяти почему-то никак не шли жирные черные мухи.

– Так это и был рай? – спросил он. – Он именно такой?

– Я не говорил, что могу показать рай. Я могу показать лишь его тень.

– А чем тень отличается от рая?

Вместо ответа Алаудин поднял перед собой руку так, что она попала в падающий из окна солнечный луч. На стене напротив появилась тень его кисти.

– Смотри, – сказал он. – По тени моей руки ты можешь судить, что у меня есть пальцы, и этих пальцев пять. Когда я поворачиваю руку, по изменениям тени ты понимаешь в общих чертах, как рука устроена. Но все же разница между тенью и рукой тоже есть, не правда ли?

Пальцы Алаудина были унизаны драгоценными перстнями, и солнце ослепительно играло на золоте, в котором сверкали мелкие сапфиры, огромный рубин и ограненные ромбом изумруды. Это был

хороший ответ.

– А почему в раю все чувства совсем иные? Я переживал все происходящее иначе, чем обычно. Пища имела другой вкус, а прикосновения этих красавиц... Просто не знаю, с чем их можно сравнить. Все было совсем не так, как на земле.

– Это и делает рай раем, – улыбнулся Алаудин. – У меня нет ключей от небесного рая. Но есть тень этих ключей. Отперев тенью ключа тень двери, я могу показать тебе тень вечного счастья.

Алаудин говорил загадочно и возвышенно, как и подобает духовному человеку, и Али постепенно успокоился. У него остался только один вопрос, но он боялся его задать, потому что тема казалась не вполне пристойной. Но другой возможности заговорить об этом могло не представиться, и Али решился.

– Господин, у меня есть еще один вопрос, самый последний. Я слышал, в награду праведному человеку может быть послано столько гурий, сколько дней в году, и даже больше. Но меня, если честно, хватило только на трех, а дальше я обессилел. Зачем же праведнику так много спутниц?

Алаудин захохотал и смеялся до тех пор, пока на его глазах не выступили слезы.

– Не будь так маловерен, – сказал он наконец. – Если Аллах пошлет тебе триста гурий, он наградит тебя и мужской силой, необходимой для того, чтобы быть со всеми ними одновременно.

Али не очень понял насчет «одновременно» (такое было страшновато представить), но мысль Алаудина до него вполне дошла. Больше вопросов не осталось.

Остановившись в дверях, Алаудин сказал:

– Запомни, сын мой. Ты никогда не должен обсуждать то, что случилось вчера, с другими людьми. Эти разговоры загрязнят твое сердце, и ты не сможешь больше войти в тень рая. Пусть

это будет тайной твоего сердца.

– А когда я... Ну, в следующий раз?

– После того, как выполнишь свое первое поручение, – ответил Алаудин. – Отправляйся в путь с легким сердцем. Ибо если ты не вернешься сюда, чтобы войти в тень рая, ты попадешь в настоящий рай. Теперь ты можешь судить о том, что это такое. Ты будешь в выигрыше по-любому. Но здесь, в Аламуте, тебя ждет лишь тень награды. А там – сама награда.

Первое же доверенное Али убийство было крайне важным – Алаудин сказал, что от него зависит исход войны. Конечно, Али казалось странным, что райская дверь откроется для него в результате такого мрачного дела. Но он уже знал: его ум слишком слаб, чтобы разобраться в божественных вопросах. К тому же он помнил, что на любой его вопрос Алаудин немедленно дает ответ, после которого сомнений больше не остается – хотя не прибавляется и особой ясности. Поэтому он не стал утомлять господина лишними расспросами. Но Алаудин провожал на подвиг уже не первого героя – видимо, он хорошо представлял, что происходит в человеческой душе в такие минуты.

– Как я уже говорил тебе, – сказал он, – дорога, ведущая в рай, называется «смирение». Ее особенность в том, что ты не видишь, куда она идет на самом деле, поскольку она петляет между гор и ущелий, из которых состоит человеческая жизнь. Чтобы попасть на юг, иногда приходится долго идти на север. Чтобы подняться на высокий перевал, бывает необходимо пройти ущелье. Ради спасения приходится убивать. Понимать это и не иметь сомнений – и означает идти по дороге смирения... Держи.

Алаудин протянул Али тяжелый промасленный сверток. Али развернул материю и увидел два катара. По форме и весу они были точно такими же, как те два ножа, с которыми он упражнялся много лет. Но их лезвия были зазубренными, и их покрывала какая-то липкая субстанция.

– Осторожно, – сказал Алаудин. – Держи их в ножнах. И ни в

коем случае не порежься – потому что тогда тебя не спасет никакой врач.

Теперь Али выглядел точно так же, как остальные слуги Алаудина. На нем был черный плащ с капюшоном, а лицо скрывала повязка из ткани. Корабль привез его в город Сидон в Ливане, а оттуда он за несколько дней добрался до Тира, где стояла армия латинян-крестоносцев. В условном месте у городской стены его встретил сообщник, который тоже был учеником Алаудина.

Он оказался намного старше Али. Одет он был в такой же темный плащ с капюшоном, какой Али получил в Аламуте, а его оружием была тяжелая двуручная сабля. Его грубое лицо не выражало никаких чувств, но Али ощущал безмятежную решимость в каждом его движении и слове. Своего имени сообщник не назвал.

– Мое земное имя уже не играет роли, – сказал он. – Сегодня я войду в райскую сень. Ты тоже можешь это сделать, но не спеши – сперва тебе надо поразить начальника латинян.

Али стало страшно, но он не подал виду.

– Где мы нападём на врага? – спросил он.

– Недалеко от городских ворот, – ответил сообщник. – Там есть будка сборщика податей, который берет плату за въезд в город. Начальник латинян сегодня приглашен на обед к местному епископу и будет возвращаться в город на склоне дня. Он, конечно, не платит подать, но все равно остановится перед этой будкой, пока стража будет сдвигать рогатки. На это уходит столько же времени, сколько надо, чтобы произнести шахаду два раза. Я нападу на людей, которые сопровождают латинянина. Начнется сумятица. В этот момент ты нанесешь свой удар. Не думай обо мне и даже не смотри в мою сторону, думай только о цели...

– А наша одежда не вызовет у стражи подозрений? – спросил Али.

– Нет. Точно так же одеваются паломники, которые приезжают

сюда из христианских стран. Мы сойдем за пару пилигримов. Особенно если будем вести себя грубо и совершать всякие отвратительные поступки. А теперь съешь вот это...

В его руках появились две плоских сухих лепешки.

– Что это? – спросил Али.

– Это ключ от рая, – сказал сообщник. – Точнее, как учит наш господин, тень ключа. Одна лепешка для тебя, другая для меня. После того как ты съешь ее, твое тело останется на земле, а дух на несколько часов приблизится к самым воротам небесного сада. И если твое тело умрет, ты тут же окажешься в раю.

Прямо на месте они съели каждый свою лепешку. На вкус она была горьковато-сладкой, с каким-то странным приятным запахом, напомнившим Али о халве, которую он ел перед своим визитом в рай. После этого они проверили оружие и вышли в путь.

Чтобы не привлекать внимания, Али с сообщником решили ждать латинянина за столом у придорожной таверны, откуда хорошо просматривалась ведущая в город дорога. Кроме них, возле заведения не было никого.

Сообщник заказал большой кувшин вина – и вылил его в сточную канаву, как только слуга ушел в таверну. Почти час после этого они разливали по глиняным кружкам пустоту, но на самом деле пили только воду из принесенной с собой фляги. Сообщник иногда начинал горланить непристойную песню про то, что Али мог бы теперь назвать «райскими переживаниями», и было не до конца понятно – то ли он мастерски притворяется пьяным бродягой, то ли действительно предвкушает надвигающееся блаженство.

А рай действительно был уже совсем близко – в этом у Али не оставалось сомнений. С его чувствами произошли те же таинственные изменения, что и во время встречи с гуриями: большое и маленькое, медленное и быстрое, привычное и непривычное поменялись местами, смешались и потеряли смысл. Предстоящая атака больше не страшила его – вернее, страшила

ничуть не больше, чем все остальное, потому что все теперь стало одинаково жутким.

И вот на дороге за клубилась пыль. Сообщник не сказал ничего, только поднял на Али глаза и еле заметно кивнул. Они встали; сообщник бросил на стол серебряную монету и зашагал к городским воротам. Али перешел на другую сторону дороги, немного подождал, как было условлено, и двинулся следом.

Время было рассчитано точно – они приблизились к городским воротам чуть раньше, чем конники. Али сразу узнал свою цель. Это был полный мужчина, одетый в плащ с красным крестом поверх пластинчатого доспеха. У него были длинные золотые волосы и небольшая борода – в точности как описал Алаудин. Его сопровождало около десяти человек; латиняне держались весело и расслабленно и, несомненно, не ожидали нападения.

Процессия остановилась возле будки сборщика податей; стражники сдвинули рогатки с дороги, и в этот момент сообщник Али выхватил из-под плаща свою саблю и рубанул одного из конных рыцарей по сапогу. Удар был настолько силен, что перерубил ногу вместе со стремями. Несчастный закричал; лошадь, на которой он сидел, поднялась на дыбы и сбросила его на дорогу. Всадники окружили сообщника Али, и, перед тем как их мечи оборвали его жизнь, он успел убить еще одного и покалечить двух.

Али, стоявший на другой стороне дороги, увидел, что начальник латинян остался в одиночестве – сдерживая испуганного коня, он следил за схваткой. Согнув спину, чтобы походить на старика, Али неспешно пошел мимо. Когда до всадника осталось всего два шага (латиняне в это время как раз добивали его сообщника), Али выхватил из-под плаща оба катара, метнулся к вождю крестоносцев и ударил его в незащищенный бок – туда, где сходились пластины доспеха.

Латиняне еще не поняли, что их господину нанесли смертельный удар, а Али уже исчез в зарослях росшей вдоль дороги крапивы.

Прячась за ней, он засеменил к деревянной часовне, стоявшей у городской стены. Он шел, как его учили в Аламуте – согнувшись и прихрамывая, походкой пожилого человека, который спешит отойти подальше от неприятностей. Если бы не съеденная перед нападением райская лепешка, он бы, наверно, побежал со всех ног. Но сейчас ему казалось, что самое главное – ощутить себя хромым стариком, потому что если он по-настоящему поверит в это сам, в это поверят остальные и оставят его в покое.

Он дошел до деревянной часовни и стал подниматься по ее грязным ступеням. И только тогда сзади раздались крики: «Вон он! Вот убийца!»

Оказавшись в церкви, Али понял, что погиб. Второго выхода не было; окна располагались слишком высоко. Единственный прихожанин лежал на полу, распростершись перед алтарем – это был молодой паломник с такими же желтыми волосами, как у убитого крестоносца. Али понял – тот пребывает в христианском молитвенном трансе, во время которого ифриты и джинны внушают неверным, что их души восходят в горний мир. Паломник не обратил внимания на шум за спиной. И тогда Али пришла в голову еще одна мысль, которая точно не посетила бы его без волшебной лепешки. Сняв свой плащ, он набросил его на лежащего – бережным движением, стараясь не стукнуть о пол тяжелыми катарами, ножны с которыми были привязаны к подкладке. Если паломник и заметил что-то, он никак этого не показал.

Времени у Али осталось только на то, чтобы забежать за алтарь и притаиться в темном углу – сразу же после этого преследователи ворвались в церковь.

– Это он! – крикнул кто-то.

– Не убивайте его здесь, – раздался другой голос, – не оскверняйте храм кровопролитием!

– Я не виновен! – закричал очнувшийся наконец пилигрим. – Я молюсь здесь с самого утра! Что вам от меня надо...

– Вот нож с кровью нашего господина! – проревел чей-то бас.

Послышались звуки борьбы, удары и крики.

После этого шум переместился на улицу. Али старался ни о чем не думать и без конца читал про себя шахаду, потому что смерть могла наступить в любой момент. Но вскоре шум за дверями стих – никому не пришло в голову заглянуть за алтарь.

Али дождался ночи.

Когда он выбрался из-за алтаря, двери часовни были заперты. Придвинув скамью к стене, Али взгромоздил на нее другую, потом еще одну, забрался на них и дотянулся до окна. Спрыгнув на землю, он побежал прочь от городской стены. На следующее утро он ограбил одинокого всадника, отняв у него лошадь, деньги и оружие, – но оставил ему жизнь.

Убийство латинского полководца взбудоражило Святую землю, и Али передвигался по ночам, чтобы не напороться на случайный патруль. Днем он спал. Ему ни разу не приснился убитый, зато несколько раз снился пилигрим, которого он обрек на смерть. Его почему-то было жалко, но Али знал, что тот виноват в своей смерти сам. «Неверие погубит латинян, – думал он, – если не сейчас, то когда-нибудь потом, это несомненно...»

Через неделю он добрался до Сидона. Дорога оттуда в Аламут была долгой, но безопасной.

Али догадывался, что за подвиг его ждет награда. Так и случилось. После того, как он очнулся в раю, выпил волшебный шербет и вышел в сад, его ждала совсем юная гурия – ей было от силы тринадцать лет. Али попробовал завести с ней разговор, но она оказалась несловоохотливой, к тому же изъяснялась, сильно коверкая слова, как рабы из страны Пунд.

Она вела себя иначе, чем остальные райские девушки, и не изображала радости от встречи с героем. Али чувствовал, что она полна страха и еле сдерживается, чтобы не заплакать. Он

уже догадывался: спроси он Алаудина, почему эта гурия ведет себя неприветливо, и тот объяснит, что так устроено специально для его наслаждения – на тот случай, если ему надоела покорность на все согласных небесных подруг. Но все же Али отослал девочку прочь и ограничился тем же, что и в прошлый раз. Только сейчас гурии показались ему куда менее соблазнительными, и его силы иссякли намного раньше. Зато в этот раз он съел больше халвы и персиков – почему-то ему очень хотелось сладкого, и он никак не мог наесться.

– В каждом мужчине, – мудро заметила толстая гурия, державшая опахало, – дремлет неугомонный ребенок.

Но она была права – на этот раз Али угомонился быстро. Второй визит в рай поразил его воображение куда меньше, чем первый.

– Настоящий рай никогда тебе не надоест, – сказал на следующий день Алаудин. – Сражаясь, считай тела поверженных врагов. За каждого из них Аллах пошлет тебе десять прекрасных гурий. И вместе с ними, как я уже говорил, силу любить их всех. А за убитого тобой латинского маркиза Аллах пошлет тебе гурию такой величины, что надо будет скакать на лошади от заката до рассвета, чтобы добраться от пальцев ее ног до ее головы. Наслаждение от такой гурии поистине ни с чем нельзя сравнить.

Али уже слышал про таких гурий. Слова Алаудина насчет новых способностей, которые появятся у него в раю, тоже звучали правдоподобно (хотя в случае с гигантской гурией было сложно представить сам механизм наслаждения). Однако одной вещи он не понимал.

– Господин, а как быть, если я сам не захочу любить эту огромную гурию? – спросил он.

– Аллах пошлет тебе и желание! – немедленно ответил Алаудин.

– Допустим, – сказал Али. – Но если все дело в желании, которое посылает Аллах, в чем тогда разница между этой

огромной гурией и тюфяком с соломой? Ведь Аллаху достаточно пробудить в моей груди страсть к соломенному тюфяку и послать мне этот тюфяк.

Алаудин задумался на секунду.

– Это, конечно, так, – сказал он. – Но ты забываешь, что дела Аллаха всегда совершенны и прекрасны. Послать герою огромную гурию – это совершенное и прекрасное дело. А швырнуть ему в награду тюфяк с соломой – нет. Такое больше похоже на поступки земных правителей. И потом, это для какого-нибудь рыночного торговца есть разница между ценой тюфяка и ценой гурии. Для Аллаха же разницы нет, ибо перед ним все одинаково ничтожно.

Алаудин опять объяснил все так ясно, что вопросов не осталось. Правда, через несколько дней после этого разговора Али пришла в голову смутная мысль, которую ему трудно было даже сформулировать до конца.

«Если Аллах действительно пошлет мне не только эту огромную гурию, но и желание этой гурией воспользоваться, – думал он, – смогу ли я вместить такой дар? Ведь сейчас мне и думать противно о такой огромной женщине. У нее, наверно, громче урчит в животе, чем шумит река под моим окном. В ее коже будут такие поры, что в любую из них я смогу провалиться вместе с лошадь. А ее сосцы будут похожи на курганы в степи. Сложно представить человека, способного польститься на такое. Если мне этого захочется, значит, моя душа будет волшебным образом изменена. Но если моя душа будет волшебным образом изменена, буду ли это по-прежнему я или уже совсем другой человек?»

Этот вопрос не давал Али покоя.

«Наверно, другой, – думал он, – потому что я сам такого не захочу совершенно точно. Выходит, награду получу тоже не я, а кто-то другой? Аллах создаст на моем месте другого человека, а меня... Меня уничтожит без следа? Но это будет несправедливо, а Всевышний справедлив...»

Али вспомнил о шербете, который он пил перед визитом в рай. А потом вспомнил руку Алаудина со сверкающими кольцами, и ее тень на стене.

«Может быть, – думал он, – в раю мне тоже дадут особого снадобья, только сильнее, чем в лепешке, и с иным действием? Ведь тень должна быть подобна предмету. Если тень ключа от рая – это какая-то микстура, значит, и сам ключ от рая – это нечто похожее?»

Подумав, Али решил, что последняя версия – самая правдоподобная. Ведь под действием райского шербета у него действительно появлялись желания, которых не было в обычном состоянии. Например, ему очень хотелось сладкого – но при этом он оставался самим собой. В раю вполне могли быть и такие сорта шербета, которые сделали бы соблазнительной огромную гурию...

Сомнения постепенно отступили. И это было хорошо, потому что Али ждало новое убийство, а идти на смерть и терзаться сомнениями – это, как известно, удел неверных. Себе Али такого точно не пожелал бы.

Следующее задание сильно отличалось от первого.

Али должен был поразить гонуэзского олигарха, заключенного в латинской крепости. Это был ростовщик, которого обвинили в ереси, колдовстве и растлении малолетних мальчиков. Ждали гонца от Святого Престола с указом, разрешающим дело, – по общему мнению, пленника должны были освободить, поскольку он был чрезвычайно богат и лично финансировал крусаду. Говорили, что под стражу его взяли только для того, чтобы выжать из него побольше золота: он вряд ли мог быть замешан в ереси или колдовстве, так как мало интересовался духовными вопросами. Ну а растление малолетних мальчиков никогда не считалось чем-то предосудительным для ростовщика.

Алаудин хотел убить пленника, надеясь, что христиане начнут обвинять в этом друг друга и погрязнут в распрях. Но Али

незачем было вникать во все детали. Он получил два катара, волшебную лепешку и маленький железный арбалет с десятком смазанных ядом стрел.

– Сто гурий, – улыбнулся Алаудин, вручая ему круглый колчан. – Если ни разу не промахнешься.

На колчане была кожаная петля, которая позволяла повесить его под мышку, спрятав под одеждой. Арбалет и ножи были укреплены в пришитых к плащу карманах. Волшебная лепешка, завернутая в кусок чистой ткани, лежала у Али в сумке – по виду она ничем не отличалась от тех, что продаются на любом базаре.

– Съешь ее за два-три часа до схватки, – сказал Алаудин. – Когда почувствуешь, что рай готов принять тебя, выступай, и в твоём сердце не будет страха перед битвой.

Али знал по опыту: слова «в твоём сердце не будет страха перед битвой» означают не то, что битва перестанет быть страшной, а то, что все остальное сделается ничуть не менее жутким, и не будет особой разницы, чем именно заниматься. Но он ничего не сказал.

Путешествие к цели прошло без приключений.

Плащ Али походил на наряд пилигрима, поэтому он без труда проник во двор крепости, где содержался гонуэзец – там был устроен небольшой рынок, и весь день шла торговля. Но подступиться к башне, где содержался пленник, Али не смог – у входа постоянно дежурила охрана. Перебить столько воинов одному человеку было невозможно.

Вечером Али покинул крепость и внимательно осмотрел башню. На самом ее верху виднелось небольшое окно – там содержался пленник. Залезть на башню было невозможно, потому что ее покрывала гладкая штукатурка. Но саму крепостную стену не чинили с древних времен. Она состояла из грубых каменных блоков; скреплявший их когда-то раствор давно уже выветрился из широких щелей. По ней без особого труда можно было

забраться вверх.

На следующий день Али купил на рынке длинную крепкую веревку, обвязался ею и затаился в зарослях крапивы недалеко от крепостной стены. Когда стало темнеть и на небе появились первые звезды, он съел волшебную лепешку (она к этому времени совсем высохла и больно царапала десны).

Наступила ночь. В окне на вершине башни зажглась свеча, и Али ощутил, что райские врата уже рядом. Он подкрался к стене, и, осторожно вставляя ножи в щели между камнями, полез вверх. Вскоре он добрался до зубцов.

Накинув веревку на ближайший к башне зубец, он завязал ее в особую скользящую петлю, как учили в Аламуте. Сев в нее, он спустился на нужную высоту. Затем он взвел арбалет, оттолкнулся от стены и попытался, раскачиваясь, как маятник, долететь до окна. Но это оказалось невозможным – мешал выступ башни. Али был совсем недалеко от окна, но видел в нем только узкую полосу стены в дрожащем свете свечи. После нескольких безуспешных попыток приблизиться к цели Али застыл в неподвижности и попытался сосредоточиться. Но это плохо получалось.

Ночь вокруг была дивной. Небо сверкало и подмигивало звездами, луна горела холодным голубым огнем, трещали цикады, и ветер приносил какие-то удивительные, странные запахи, словно неподалеку действительно был райский сад, полный цветов. Этот сад находился совсем рядом, до него было рукой подать – и вместе с тем он был недостижимо далеко... Али подумал:

«Как странно устроена жизнь. Вокруг такая красота – даже самый великий художник не смог бы ничего улучшить. И в самом центре этого божественного сада висит на веревке человек, который пытается попасть в рай, убивая других людей. Такой путь, сказали ему, называют дорогой смирения. Вот только чтобы пойти по этой дороге дальше, не хватает трех шагов по стене...»

Почему-то эта мысль показалась ему невыносимо смешной.

Смеяться было нельзя – могла услышать стража, – но Али ничего не мог с собой поделать. Он захихикал, сначала тихо, а потом все громче и громче. Мысль о том, что его могут обнаружить, еще сильнее развеселила его. Ему стало страшно, что он не контролирует своего веселья. Но этот страх тут же показался ему настолько смешным, что хохот Али превратился в какое-то урчащее завывание.

Вдруг из окна башни высунулась человеческая голова, отчетливо различимая в лунном свете. Али увидел длинные волосы, развевающиеся вокруг выбритой на макушке тонзуры (он знал, что так делают не только христианские монахи, но и те миряне, которые хотят выглядеть особенно благочестиво). Затем к нему повернулось изумленное морщинистое лицо.

Али выстрелил из арбалета раньше, чем понял, что это и есть его мишень – годы упражнений не прошли зря. Неоперенная стрела попала несчастному в глаз. Раздался крик, и голова исчезла в окне.

Мучавший Али приступ смеха сразу прошел.

«Надо же», – подумал он и быстро заскользил по веревке вниз.

Когда Али вернулся в Аламут, Алаудин объяснил, что произошло с ним на крепостной стене.

– Кроме видимого нами мира, – сказал он, – есть еще иннический мир и джиннический мир. Их населяют невидимые существа, которые иногда вредят человеку, а иногда помогают ему. Подобный смех вызывается тем, что тебя начинает щекотать злобный джинн, который своим магическим зрением видит праведника, стоящего на самом пороге рая.

– А зачем ему делать такое?

– Затем, что сам этот джинн никогда не попадет в рай. Он знает об этом, и его мучит зависть. Поэтому он стремится навредить тебе. В прошлом году из-за него мы потеряли одного из наших

лучших убийц. Наш человек должен был сразить византийского посланника, но увидел в его свите карлика с мартышкой, и его разобрал такой смех, что он выронил кинжал на дорогу. Конечно, его тут же схватили и предали страшной смерти.

– А что надо делать, если тебя щекочет злой джинн? – спросил Али.

– В таких случаях следует вспомнить, как жутко он выглядит на самом деле, и смех пройдет. Наоборот, тебе сразу станет страшно.

– А как он выглядит?

Алаудин показал ему потрепанный кусок папируса, на котором был нарисован человек с головой остроухой собаки. Папирус выглядел очень древним, и его покрывали непонятные письмена.

– Вот так, – сказал он.

Как и все остальные объяснения Алаудина, это звучало вполне убедительно. Но Али подумал, что лучше не вспоминать в бою про этого джинна, поскольку так можно развеселиться еще сильнее.

Алаудин сказал, что в этот раз награды придется подождать пару дней – у ордена скопилось много дел, и его новые члены должны были испытать отблеск неземного счастья перед своим первым поручением.

Задержка оказалась кстати – за ее время в голову Али пришла неожиданная мысль.

Он уже догадался, что его переносят в волшебный сад, предварительно угостив сонной микстурой. Очевидно, снотворное примешивали к ужину, потому что он оказывался в раю утром. Али решил выяснить, как именно он попадает в сад. Каждый день он стал откладывать половину обеда, и ел ее на ужин. А ужин, который приносили слуги, он выкидывал в окно.

Через три дня в его комнату ночью вошли люди.

Один из них несколько раз ткнул его длинным прутом. Али сделал вид, что ничего не чувствует.

– Берите его, – прошептал незнакомец.

Крепкие руки подхватили его и подняли над землей. Али понял, что его несут в ту часть замка, где хранятся запасы съестного. В одном из помещений был глубокий колодец, пробитый в скале до самой реки, – им давно не пользовались и сохраняли только на случай осады (воду для всех нужд уже много лет брали из горного ручья). Али посадили в широкую деревянную бадью и стали спускать вниз.

Когда река была уже рядом, чьи-то руки потянули бадью вбок и втащили ее в небольшое темное помещение, выдолбленное в скале. Оттуда Али перенесли в знакомую комнату с непристойным орнаментом и опустили на ложе.

– Он у нас в третий раз, – сказал тихий женский голос.

– Последний, – ответил мужской. – Следующего дела ему не пережить. Рай не должен становиться привычкой. Это ведет к сомнениям...

Второй человек тоже говорил тихо, но Али узнал его. Это был Алаудин.

Как всегда, Алаудин оказался прав. Третье посещение волшебного сада не произвело на Али вообще никакого впечатления. Гурии казались ему усталыми и измотанными. Музыка неприятно резала слух. И даже появившееся в саду новшество – райские мальчики – не вызвало в нем энтузиазма.

«Можно подумать, тут рай для христианских ростовщиков», – подумал он.

Эти мальчики, один из которых постоянно бегал в нужной чулан из-за расстроенного желудка, вызвали у него только одно чувство – жалость. Али совсем недавно был таким мальцом сам. Вспомнив об этом, он решил, что ему еще повезло с профессией.

К гуриям он в этот раз вообще не прикоснулся, зато съел почти все сладости, которые были разложены на парчовой скатерти. Их вкус казался ему таким же неземным, как и в первое посещение сада.

«Все же Алаудина нельзя считать обманщиком, – думал он. – Он ведь не говорит, что это место – рай. Он говорит, что это тень рая, от которой у него есть тень ключа... Даже если все дело в какой-то примешанной к еде субстанции, он наверняка получает ее таинственным и святым путем по воле Аллаха... Скорей всего, я так ничего и не узнаю про это до самой смерти. Или... Или надо что-то придумать прямо сейчас...»

Вскоре, как это обычно бывало в конце райского дня, ему захотелось спать. А на следующий день Алаудин дал ему новое задание.

Али должен был убить монгольского хана.

– Ты достаточно долго шел по дороге смирения, Али, – сказал Алаудин торжественно. – Теперь ты без всяких сомнений войдешь в сень вечного блаженства. Постарайся только сначала выполнить это великое дело. Мы будем всегда гордиться тобой, сын мой...

Али предстояла долгая дорога, и его снаряжение должны были готовить целую неделю.

Прошло несколько дней. Все убийцы отбыли на задания, и замок опустел – а это значило, что в райском саду больше не осталось посетителей.

«А почему бы мне не спуститься туда самому? – подумал Али. – Другого случая все равно уже не представится. Зря, что ли, я учился лазить по канату?»

Когда наступила ночь, он решился.

Он избегал думать о том, что случится, если на него наткнутся слуги Алаудина. Но на всякий случай он надел боевой плащ, к которому были пришиты ножны с двумя катарами. Ему было страшно

– гораздо страшнее, чем во время убийств, которые он совершал по приказу господина. Тогда он знал, что его душа попадет в рай. А вот куда она пойдет, если его убьют свои, было ясно не до конца. Теперь он понимал, как чувствуют себя неверные, подвергаясь смертельной угрозе.

К комнате с колодцем Али пробрался незамеченным. Ее дверь была заперта на замок, но Али без труда открыл его женской шпилькой, которая была припасена у него на такой случай. Оказавшись внутри, он запер дверь, осторожно спустил в бездну над рекой веревку и полез по ней вниз.

Когда до него уже долетали брызги ревущей внизу воды, Али увидел перед собой освещенный тусклой плоской коридор, выдолбленный в скале. В его стенах было несколько дверей. Спрыгнув на каменный пол, Али пошел вперед.

Дойдя до первой двери, он приоткрыл ее и понял, что она ведет в украшенную непристойным орнаментом комнату (с другой стороны вход закрывала узорчатая деревянная панель, сдвигающаяся в сторону).

За следующей дверью была кухня, где при свете масляных ламп суетились женщины. Али с тяжелым чувством узнал в них гурий. Теперь на их голенях не было красных полосок, изображающих костный мозг, а одеты они были в грязные холщовые рубахи. Но Али не стал рассматривать их слишком долго, потому что его могли заметить. Он пошел дальше.

Третья дверь, расположенная в самом конце коридора, вела в заросший крапивой угол сада у старой каменной стены. Рядом с выходом никого не было. Али выбрался наружу и затаился в зарослях до рассвета.

Когда вокруг стало светло, он пошел вдоль стены, прячась в зарослях крапивы. Вскоре он увидел поляну, где проходили райские пиршества. Она была покрыта мусором, объедками и подсохшими лужами рвоты – видимо, после отбытия последней партии героев еще не убрали.

Затем Али обнаружил калитку, которую никто не охранял. От нее вниз к реке спускалась тропа.

Он стал пробираться дальше и через некоторое время вышел к кухне с другой стороны. Тогда он понял, что обошел весь рай по кругу. Теперь женщины работали в кухонном дворе – они были видны лучше, чем из каменной норы коридора, и Али мог как следует рассмотреть гурий, не боясь, что они его заметят.

Сидя у расстеленных на земле полотнищ, они готовили какую-то снедь. Одна гурия отжимала сок из лимонов и мандаринов – видимо, он предназначался для шербета. Перед другими лежали финики и орехи, мед и кунжутная паста – все это было необходимо для приготовления халвы. Но две или три гурии определенно занимались чем-то странным.

Они сидели перед целой горой свежесобранной крапивы – той самой, которая росла в дальних уголках сада. Девушки терли между ладоней ее клейкие зеленые верхушки, потом собирали со своих рук загустевший сок и передавали его темные катышки подругам, которые готовили халву и шербет. Работа была утомительной, и девушки тихо напевали какую-то унылую песню.

Вскоре с кухни выглянула служанка.

– Идите есть, – позвала она. – Потом надо будет замесить немного теста. Господин велел приготовить пару лепешек.

Гурии поднялись и ушли в кухню. Двор опустел.

Подождав несколько минут, Али вышел из своего укрытия, взял горсть свежеприготовленной халвы, вернулся в заросли и съел ее.

Через некоторое время он ощутил то же самое, что происходило каждый раз, когда он пил шербет перед входом в райский сад или готовился к атаке.

«Оказывается, – изумленно подумал он, – все дело в бесполезном сорняке, который растет на каждом пустыре!»

Али не знал точно, что это за трава, и с детства привык называть ее просто «крапивой», хотя эта ее разновидность не жалила. Ему было известно только то, что крапива растет на пустырях и часто образует заросли выше человеческого роста, которые можно использовать в качестве укрытия. Так он всегда и делал, а один раз перед атакой даже съел в этих зарослях привезенную с собой издалека волшебную лепешку.

Подумав про волшебные лепешки, Али усмехнулся. Он понял, для кого их велено было приготовить.

Несколько секунд он боролся с желанием выйти к гуриям и сказать им, чтобы они не трудились зря замешивать тесто, но решил не тревожить их.

Подняв голову, он долго глядел на уходящие к облакам стены Аламута, затем повернулся и пошел к выходу из рая.

Отчего-то ему вспомнился джинн с головой остроухой собаки, которого ему показал Алаудин, и он стал смеяться – сначала тихо, а потом все громче и громче. «Тень Всевышнего, – думал он. – Надо же, тень Всевышнего...»

Гурии услышали его смех и заметались по кухонному двору, визжа от страха.

– На помощь! – кричали они. – Здесь чужие!

Из кухни выбежали два заспанных стражника. Но Али был уже возле калитки, ведущей прочь из райского сада. Закрыв ее за собой, он стал спускаться реке. Крапива росла повсюду – ее было столько, что вскоре Али стало тошно на нее смотреть.

«Украв лошадь, а дальше видно будет, – думал он. – Профессия у меня есть, инструменты с собой. А рай... Ну кто бы мог подумать, что те самые люди, которые обещают привести нас туда, и есть слуги зла, которые прячут ведущую туда дорогу...»

Али вспомнил быстрые движения женских ладоней, перетирающих крапиву.

«Если будет на то воля Аллаха, попаду в рай и без проводников.
Ну а если Аллах этого не захочет, разве сможет мне тогда
помочь хоть кто-то из людей?» Powestler